
Алла Новикова-Строганова

Н.С. ЛЕСКОВ И Н.В. ГОГОЛЬ*

**Alla Novikova-Stroganova
N.S. Leskov and N.V. Gogol**

Наследие Николая Васильевича Гоголя до сих пор остается неизведанным во всей глубине. Один из путей постижения – осмысление гоголевских традиций в творчестве продолжателей классика.

Одним из наиболее близких Гоголю по духу русских классиков, бесспорно, является Лесков. По его признанию, он узнавал в Гоголе «родственную душу». Гоголевское художественное наследие было для Лескова живым вдохновляющим ориентиром. Признаваясь в «страсти к Гоголю», Лесков говорил о своей непреходящей увлеченности личностью и творчеством великого русского писателя: «Гоголь – моя давняя болезнь и замороженность». Без связи с гоголевской традицией невозможно основательно осмыслить и глубоко прочувствовать мир, созданный Лесковым.

Соотнесение эстетических миров обоих художников слова не раз становилось предметом изучения в отечественной и зарубежной науке, однако проблема все еще нуждается в более развернутом представлении и глубоком уяснении. В кругу наиболее актуальных вопросов – изучение традиций Гоголя в творчестве Лескова сквозь призму религиозного мирозерцания двух писателей.

И Гоголь, и Лесков никогда не расставались с Евангелием. «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии», – говорил Гоголь. Лес-

* *Новикова-Строганова А.Н.* С. Лесков и Н.В. Гоголь // Сетевой журнал «Камертон». – Режим доступа: <http://webkamerton.ru/2017/12/ns-leskov-i-nv-gogol>

ков был солидарен с ним: «В Евангелии есть все, даже то, чего нет»; в Евангелии «сокрыт глубочайший смысл жизни».

«Один только исход общества из нынешнего положения – Евангелие», – утверждал Гоголь, призывая к обновлению всего строя жизни на началах христианства.

Начиная с ранней публицистики, Лесков постоянно обращался к гоголевским темам, сюжетам, мотивам и образам, что свидетельствует об общности мировосприятия обоих художников.

Так, например, Лесков горячо разделял гоголевское убеждение в том, что люди должны осознать свою причастность всеобщему делу усовершенствования общественной жизни, возрождения России. А для этого каждый обязан честно выполнять свое дело на своем месте. Лесков неоднократно неточно цитировал строки из «Ревизора»: «Пусть каждый берет в руки по метле и метет свою улицу».

Лесков создает «положительные типы русских людей», героев-праведников, «людей высокой пробы». В лесковских образах нет и тени схематичности. Герои-праведники – абсолютно живые люди, «полнокровные, своеобразные, яркие». «Почему-то Лескову удавались «положительные типы», – размышлял П.Б. Струве, – почему-то под его пером оживали и искрились огнем жизни хорошие люди всех сортов и званий».

Лесков воплотил заветную гоголевскую мечту – создал художественные образы «живых душ», примером собственной жизни реализующих евангельские идеи деятельной любви, добра и милосердия.

В «каверзливое» (по слову Лескова) капиталистическое время, когда «“зверство” и “дикость” растут и смелеют, а люди с незлыми сердцами совершенно бездеятельны до ничтожества», писатель вел свою борьбу (на религиозном языке – «брань»), совершал свой подвижнический труд: важно было восстановить поруганный и утраченный идеал. В этих идейно-эстетических установках Лесков наиболее сближается с Гоголем – одним из своих любимых наставников в русской словесности.

Со всей очевидностью гоголевские традиции эксплицированы в лесковском святочном рассказе «Отборное зерно» (1884). Это творение Лескова и в настоящее время звучит не менее (возможно – даже более) актуально. Религиозно-нравственная суть рассказа восходит к Новому Завету, о чем недвусмысленно предвещают и само название, и особенно эпиграф из Евангелия от Матфея.

Гоголевские мотивы демонстративно вынесены автором «на поверхность» текста. Описана общественно-историческая ситуация, афористически выраженная в «Мёртвых душах»: «Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет». В создании сатирических образов Лесков опирается на поэтику маски, марионетки, ряжения, неисчерпаемые возможности которой использовал Гоголь. «Всё обман, все мечта, все не то, чем кажется!» – восклицал классик в повести «Невский проспект».

Один из безымянных персонажей лесковского рассказа – отъявленный мошенник, «лгунище и патентованный негодяй» – скрывается под личиной «именитого барина». «Правильный вид» мужика Ивана Петрова тоже обманчив. Этот с виду благообразный старец – пособник и сообщник в преступных махинациях «барина» и «купца». «Мужик» помогает двум плутам довести до завершения задуманную ими аферу – потопить застрахованную по самой высокой цене баржу, где везут под видом первосортной «драгоценной пшеницы» просто мусор (по евангельскому слову – «плевелы»).

В основе повествования – шутовское действо, розыгрыш, обман, когда все «наоборот», «наизнанку», «шиворот-навыворот». В этом смысле «Отборное зерно» соотносится с другим святочным рассказом Лескова – «Обман».

Лесков воспринимал современный мир через призму нестареющего наследия Гоголя: «Страшно, знаете, не страшно, а все, как Гоголь говорил, “трясение ощущается”».

Плутство с «отборным зерном», по замыслу Лескова, свидетельствует о том, что «наш самобытный русский гений <...> вовсе не вздор». «Из такой возмутительной, предательской и вообще гадкой истории, которая какого хотите любого западника вконец бы разорила, – наш православный пузатый купчина вышел молодцом и даже нажил этим большие деньги и, что всего важнее, – он, сударь, общественное дело сделал: он многих истинно несчастных людей поддержал, поправил и, так сказать, устроил для многих благоденствие».

Сходная парадоксальная ситуация представлена в рассказе «Уха без рыбы» (1886). По жанровым характеристикам он примыкает к святочным рассказам. Со времени первой публикации текст не переиздавался, поэтому автор статьи останавливается на нем подробнее.

Герой рассказа – уважаемый в еврейской общине мудрый реби Соломон – чуть было не потерял свою репутацию у соплеменников из-за того, что подал русской девке Палашке милостыню на крещение

ее ребенка, т.е. совершил «несоответствующее призванию еврея дело». «Дело» это разрешается ко всеобщему удовольствию, но устройство «всеобщего счастья» не обошлось без явного мошенничества. Выяснилось, что Соломон фарисейски подал Палашке фальшивую купюру, чтобы она ее разменяла, вернула бы сдачу неподдельными деньгами, а рубль, потраченный на крещение внебрачного младенца, потом отработала.

Однако это каверзное «дело, которое сделал Соломон, веселило сердца всех, и в этом смысле его следует признать за хорошее дело, так как оно всем принесло долю добра и радости, – комментирует Лесков. – Евреи радовались, что у них есть такой мудрец, как Соломон; христиане были тронуты добротой Соломона и хвалили его за сердоболие <...> Палашка считала его не только своим благодетелем, но благодетелем своего ребенка <...> а сам Соломон обменял плохие деньги на хорошие, да еще взял прибыль, так как благодарная Палашка отработала ему за рубль не три недели, а целую зиму. Вот и сосчитайте, сколько тут получилось прекрасных результатов! А собственно прямого благодетеля, в настоящем смысле слова, ведь, надо признаться, здесь тоже нет – “уха” как будто “сварена без рыбы”, а все-таки уха есть, и автор, который бы это рассказал, надеюсь, был бы не виноват, что в его время это блюдо так готовится».

Ирония по поводу «несообразностей» и «гримас» русской жизни здесь очевидна, а «уха без рыбы» приправлена горечью.

Сюжетными ситуациями, мотивами, афоризмами Гоголя, доведенными до совершенства, Лесков пользуется как емкими формулами-дефинициями, рассчитанными на мгновенное читательское узнавание.

Афера с продажей «мусорной пшеницы» под видом первосортной соотносима с авантюрой Чичикова по купле-продаже «мертвых душ». В чем-то аналогична жизненному пути гоголевского мошенника сама история антигероя в рассказе Лескова: «это был как раз тот самый мой давний товарищ, который в гимназии ножички крал и брови сурмил, а теперь уже разводит и выставляет самую удивительную пшеницу». Характер «пройдохи-барина» писатель определяет при помощи типизации гоголевских образов: «Отгалкивала меня в нем настоящая ноздревщина, но только мне так и казалось, что он мне дома у себя всучит либо борзую собаку, либо шарманку».

Циничная сделка «барина» с «купцом» напоминает о торге Чичикова с Собакевичем, смешном и жутком одновременно. Реминисценция позволяет реконструировать читательский и жизненный опыт лес-

ковского «барина». Видно, что он был внимательным читателем гоголевской поэмы и, возможно, именно у Чичикова выучился жульничеству, в котором усматривал «хорошее средство для поправления своих плохих денежных обстоятельств и еще более дурной репутации». «Барин» напрямую апеллирует к опыту гоголевского афериста: «“Возьму не дороже, чем за мертвые души”». Показательна реакция его неназначенного «делового партнера»: «Купец не понял, в чем дело, и перекрестился».

Шутовской спектакль в трех актах, разыгранный тремя заговорщиками, разворачивается будто на сцене. Театральность как особое свойство игрового («ряженого») изображения усвоена Лесковым с опорой на поэтику Гоголя. Цель шельмовского действия – довести до логического завершения мошенническую операцию: «Народу стояло на обоих берегах множество, и все видели, и все восклицали: “ишь ты! поди ж ты!” Словом, “случилось несчастье” невесть отчего. Барка потонула, а хозяин только покорностью взял: перекрестился, вздохнул да молвил: “Бог дал, Бог и взял – буди Его святая воля”».

Святочное «жанровое задание» предполагает показ человеческого единения, духовного сплочения. Лесков же предложил своеобразную «антиутопию». «Всеобщность» «актеров» и «зрителей» достигается на антихристианской, лукавой основе. В этой иезуитской импровизации «всех искреннее и оживленнее был народ». Вдохновенная игра житейски объяснима: крестьяне-погорельцы, которым «строиться надо и храм поправить», не надеясь на помощь властей, предпочитают сделку с мошенниками, видя конкретную для себя практическую пользу. Конечно, пострадало обманутое страховое общество, но национальное чувство не встревожено – ведь это «немецкая затея».

В поэтике рассказа причудливо переплетаются мотивы игры, смеха и плача, радости и страха, наказания за грех и евангельской «сверхнадежды» на искупление и спасение милостью Божией. Нетрадиционно преломляются в «Отборном зерне» устойчивые в святочном жанре мотивы «чуда», «спасения», «дара», воплощенные в традиционном «счастливом финале»: «все село отстроилось, и вся беднота и голытьба поприкрылась и понаелась, и Божий храм поправили. Всем хорошо стало, и все зажили хваляще и благодаряще Господа, и никто, ни один человек не остался в убытке – и никто в огорчении. <...> Никто не пострадал! <...> Барин, купец, народ, т.е. мужички – все только нажились».

Если праведные герои Лескова исповедуют идеалы истинного христианства, то для антигероев-оборотней религия – только внешняя обрядовость, фарисейское прикрытие антихристовой сути. Так, перед заведомо мошеннической операцией по отправке баржи отслужили «молебн с водосвятием».

Нравственная порча охватила все слои русского общества. Даже представитель народа – «мужик» Иван Петров, с виду «христианин самого заправского московского письма», который по субботам «ходил в баню, а по воскресеньям *молился* усердно и вежливо <...>, приносил в храм дары и жертвы», сохраняя внешнее благочестие, на деле давно отказался от Христовой истины. Приспосабливаясь к духу всеобщего эгоизма и продажности, «мужик» выстраивает концепцию жизни, криводушно прикрытую Писанием: «нынче, друг, мало уже кто по правде живет, а все по обиде», «в Писании у апостолов сказано: “Весь мир во грехе положен” – всего не омоешь, а разве что по малости», «Господь грех потопом омыл, а он вновь настал».

Если «мужик» и «купец» еще время от времени ссылаются на священные тексты, то в лексиконе «барина»-«христопродавца» библейские речения вообще отсутствуют. «Барин» демонстративно отказывается от Бога и не стесняется в этом признаться. В религиозно-нравственном контексте повествования этот сатирический антигерой и есть тот самый «враг», который посеял «*плевелы посреди пшеницы*» – и в прямом, и в метафорическом смысле.

Художественное своеобразие «Отборного зерна» формируется в сплаве сатирического, эпического и лирического начал. При этом доминирующим является слово вечной истины, заповеди, Нового Завета. Избранная в качестве эпиграфа цитата из Евангелия: «“*Спящим человеком прииде враг и вся плевелы посреди пшеницы*” (Мф. XI. 25)» – задает основную тональность произведения и определяет семантико-эстетическую и сакральную сущность сложно организованного повествования, слагающегося из нескольких взаимодействующих стилистических пластов (автор-повествователь, герои, рассказчик, слушатели).

Христианская и эпическая многогранность рассказа Лескова не исключает, а предполагает лирическую устремленность автора, отдающего себе отчет в том, насколько перемешаны светлые и темные стороны бытия, добро и зло, «пшеница» и «плевелы» – и в обыденной жизни, и в душе человеческой. В литературоведении отмечалась условность рождественско-новогодней приуроченности лесковских святочных рассказов. Однако именно святочное начало создает своего

рода подводное течение, внутренний план повествования – лирический и обобщенно-символический.

Обличая «татей» и «разбойников» в русской общественной жизни, Лесков «художественной проповедью» своего творчества настойчиво призывал к глубокому покаянию, которое одно только может привести к нравственному обновлению, «восстановлению падшего образа».

С. Г.